

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДЕЛИКТНОГО ПРАВА И МОДЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СНГ ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ

Богустов Андрей Алексеевич¹,

канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: bogustov_aa@grsu.by

¹Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь

Статья посвящена анализу тенденций развития деликтного права в контексте регулирования отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта (ИИ), на основе модельного законодательства СНГ. Центральной проблемой исследования является вопрос о необходимости создания принципиально новых правовых механизмов ответственности за вред, причиненный ИИ, либо возможности адаптации существующих гражданско-правовых институтов. Методологическую основу работы составляет сравнительно-правовой и нормативный анализ положений Рекомендаций по нормативному регулированию использования искусственного интеллекта, включая этические стандарты для исследований и разработок и Модельного закона СНГ «О технологиях искусственного интеллекта». В результате исследования выявлены и проанализированы ключевые тенденции, лежащие в основе модельного регулирования: расширение безвиновной (объективной) ответственности путем приравнивания высокорисковых систем ИИ к источникам повышенной опасности; каналирование солидарной ответственности на конкретных субъектов (собственник, разработчик, оператор); социализация рисков через обязательное страхование гражданской ответственности; усиление защиты прав потребителей в цифровой среде. Основной вывод автора заключается в том, что правовое регулирование деликтной ответственности в сфере ИИ демонстрирует преемственность и эволюционный характер, опровергая позицию о необходимости создания абсолютно новой, «неантропоцентричной» системы ответственности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, деликтное право, модельное законодательство, гражданско-правовая ответственность, источник повышенной опасности, солидарная ответственность, обязательное страхование, защита прав потребителей

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF TORT LAW AND THE MODEL LEGISLATION OF THE CIS ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Bogustov A.A.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: bogustov_aa@grsu.by

¹Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus

The article is devoted to an analysis of trends in the development of tort law in the context of regulation of relationships involving the use of artificial intelligence (AI), based on the model legislation of the CIS. The central issue of the study is the question of whether it is necessary to create fundamentally new legal mechanisms of liability for harm caused by AI, or whether it is possible to adapt existing civil law institutions. The methodological basis of the work is a comparative legal and regulatory analysis of the provisions of the Recommendations on the Regulatory Regulation of the use of artificial intelligence, including ethical standards for research and development and the CIS Model Law "On Artificial Intelligence Technologies". As a result of the study, key trends that underpin model regulation have been identified and analyzed: the expansion of strict (objective) liability by equating high-risk AI systems with sources of increased danger; the channeling of joint liability toward specific entities (owner, developer, operator); the socialization of risks through mandatory civil liability insurance; and the strengthening of consumer protection in the digital environment. The author's main conclusion is that legal

regulation of tort liability in the field of AI demonstrates continuity and an evolutionary nature, refuting the position that it is necessary to create an entirely new, “non-anthropocentric” system of liability.

Keywords: artificial intelligence, tort law, model legislation, civil liability, source of increased danger, joint liability, compulsory insurance, consumer rights protection

Исследование возможных путей правового регулирования отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта (*далее – ИИ*) стало одним из наиболее активно развивающихся направлений юридической науки, что выражается в большом, практически необозримом числе публикаций по этой проблеме, вышедших в свет за последние годы. В настоящее время начинается этап перехода от теоретического осмысления проблемы к закреплению механизмов правового регулирования отношений в этой сфере. В ситуации, когда национальное законодательство лишь собирается делать первые шаги в этом направлении, большой интерес представляет комплекс рекомендательных актов, разработанных в рамках СНГ. К ним можно отнести Рекомендации по нормативному регулированию использования искусственного интеллекта, включая этические стандарты для исследований и разработок¹ (*далее – Рекомендации*), и Модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта»² (*далее – Модельный закон*).

Несмотря на специфику предписаний, направленных на регулирование отношений, связанных с деятельностью ИИ, их нельзя рассматривать изолированно от эволюции правовой системы вообще. Ряд положений модельного законодательства об ИИ имеют частноправовой характер.

В частности, в Рекомендациях и Модельном законе содержатся отдельные предписания, касающиеся деликтных обязательств. Их анализ позволяет уяснить возможность применения классических гражданско-правовых институтов к возникающим в процессе функционирования ИИ отношениям и выявить отражающиеся в модельном законодательстве об ИИ тенденции развития цивилистической доктрины и практики. Это позволит приблизиться к решению вопроса о том, требуют ли отношения, возникающие в связи с использованием ИИ, создания новых, ранее не известных доктрине и практике механизмов правового регулирования.

Необходимость их создания обосновывается рядом авторов. Например, Е.В. Скребец и М.И. Росенко отмечают «недостаточность антропоцентричного правового регулирования в указанной сфере и невозможность применения действующих правовых механизмов в области возмещения внедоговорного вреда, причиненного робототехническими системами с высокой степенью автономности» [1, с. 339]. По мнению Н.Н. Апостоловой не следует смешивать ответственность людей и «умных» роботов, поскольку «Человек должен отвечать за свои деяния и их последствия по своим юридическим правилам, а в отношении искусственного интеллекта должны быть предусмотрены другие специальные меры воздействия в случае самостоятельного осуществления им действий, нарушающих закрепленные в законе цели, принципы и правила» [2, с. 118]. И.Р. Хмелевской и Н.А. Калашников, рассматривая проблему ответственности за действия ИИ в сфере здравоохранения, приходят к выводу о том, что «в условиях роста автономности ИИ возникает необходимость пересмотра существующих правовых механизмов, так как традиционные подходы к ответственности в медицине становятся недостаточными» [3, с. 12].

В то же время высказывается точка зрения о возможности применения к деликтным обязательствам, возникшим в результате деятельности ИИ существующих уже в позитивном праве положений с учетом специфики складывающихся отношений. Например, М.Е. Жаглина и А.В. Жаглин констатируют, «что ответственность за вред, причиненный устройствами с искусственным интеллектом, может наступать в рамках существующего правового механизма, что не означает отсутствия необходимости выработки нового подхода в рассматриваемой области с учетом сложившихся реалий и потребностей правоприменительной практики» [4, с. 77].

¹ Рекомендации по нормативному регулированию использования искусственного интеллекта, включая этические стандарты для исследований и разработок. Приложение к постановлению МПА СНГ от 14.04.2023 № 55-23. – Текст: электронный. – URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения: 01.10.2025).

² О технологиях искусственного интеллекта: Модельный закон. Приложение к постановлению МПА СНГ от 18.04.2025 № 58-8. – Текст: электронный. – URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения: 01.10.2025).

Разрешению этих теоретических разногласий, на наш взгляд, может послужить выявление тенденций развития деликтной ответственности, которые находят воплощение в модельном законодательстве об ИИ.

Во-первых, в модельном законодательстве отражается тенденция к расширению использования института безвиновной ответственности за причинение вреда.

Например, в п. 3.3.1 Рекомендаций констатируется факт усложнения института гражданско-правовой ответственности и указывается на необходимость поиска ее новых моделей, включая безусловную ответственность. Эти идеи развиваются в ч. 1 ст. 15 Модельного закона, закрепляющей принцип абсолютной (безвиновной) ответственности за вред, причиненный технологиями ИИ, отнесенными к категории высокорисковых. Из содержания этой статьи следует, что абсолютная ответственность выражается в том, что для возмещения вреда не требуется доказывать вину причинителя.

При этом необходимо учитывать, что тенденция к использованию безвиновной ответственности не является новой для гражданского права и существует с середины XX века. Использование подобного подхода в отношении вреда, причиненного ИИ, вполне соответствует целям применения этого института. Например, М.И. Кулагин отмечал, что расширение случаев такой ответственности, вызвано «использованием на производстве, в быту новых машин, товаров, технологических процессов, которые не целиком подконтрольны человеку и поэтому могут причинить ущерб и при отсутствии вины в поведении их владельца» [5, с. 281]. По нашему мнению, сказанное в полном объеме применимо и к ИИ. В соответствии со ст. 1 Модельного закона ИИ представляет собой «комплекс технологических решений, включающих информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе такое, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы обработки данных и поиска решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решения без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их». Подобная имитация не способна сделать ИИ самостоятельным субъектом права, но может привести к тому, что собственник, разработчик либо оператор такой системы не всегда будут способны полностью контролировать ее деятельность.

Используемый подход иллюстрирует переход от модели вины к модели риска, что вызвано необходимостью решения проблемы установления вины в сложной цепочке создания и использования ИИ. Поскольку конструкция безвиновной ответственности используется при решении вопроса о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности, то применение ее Модельным законом, по сути, приводит к приравниванию высокорисковых систем ИИ к подобным источникам. В связи с этим, можно вести речь о том, что в модельном законодательстве находят воплощение предложенные ранее в доктрине идеи о возможности признания использования технологий ИИ деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих [6, с. 87; 7, с. 61].

Во-вторых, из анализа п. 3.3.1. Рекомендаций можно сделать вывод о существовании проблемы определения ответственного лица при причинении вреда системой ИИ, в создании и использовании которой участвует широкий круг лиц (разработчик, оператор, владелец данных и т.д.). Она является во многом ключевой для решения вопросов ответственности в рассматриваемой области. Например, в исследованиях, посвященных деликтной ответственности ИИ отмечается, что «в связи с беспрецедентностью этого явления в правовом поле остаются проблемы определения ответственного субъекта и риски неопределенности» [8, с. 761].

Модельный закон, решая рассматриваемую проблему, устанавливает в ст. 15 солидарную ответственность за вред: 1) собственников, разработчиков и операторов технологий ИИ; 2) причиненный в результате взаимодействия нескольких технологий ИИ. По нашему мнению, закрепление подобного подхода в Модельном законе иллюстрирует тенденцию канализирования гражданско-правовой ответственности, которая является универсальной для деликтного права. Она выражается в том, что «ответственность за вред возлагается исключительно на лицо, указанное в нормативном акте, независимо от того, причинен вред им самим или же другим лицом» [5, с. 287]. Возложение ответственности за вред, причиненный деятельностью ИИ, на собственника, разработчика и оператора технологий, способно устранить возможную неопределенность в положении потерпевшего в деликтном обязательстве.

В-третьих, использование в Модельном законе принципов безвиновной и солидарной ответственности неизбежно приводят к принятию еще одной тенденции, свойственной современному обязательственному праву, – расширению использования обязательного страхования гражданской ответственности в качестве механизма социализации рисков. В частности, в ст. 36 Модельного закона предусматривается необходимость введения обязательного страхования гражданской ответственности за высокорисковую деятельность в сфере ИИ.

Подобная практика не является чем-то экстраординарным для современного законодательства, а мотивы ее применения в отношении деликтных обязательств с использованием ИИ не содержат каких-либо отличий от оснований ее применения в иных сферах подобных обязательств. Например, к области ИИ вполне применима точка зрения Р. Саватье, который писал, что: «В современных условиях гражданская ответственность настолько расширилась и стала настолько серьезной, что составляет опасный риск, который в каждом отдельном случае не может быть предварительно оценен. Этот риск страхователя принимает на себя страховщик за оплачиваемые ему страховые взносы... Такая практика необходима для того, чтобы потерпевшие, как бы велика ни была сумма, причитающаяся им в порядке возмещения, во всех случаях нашли платежеспособное ответственное лицо» [9, с. 326].

В-четвертых, в модельном законодательстве прослеживается тенденция к специализации и усилению защиты прав потребителей. В ч. 4 ст. 36 Модельного закона содержит положения, направленные на восстановление баланса в отношениях между профессиональными разработчиками и рядовыми пользователями. Она прямо предписывает государственным органам обеспечивать защиту прав потребителей в сфере ИИ. Следует обратить внимание на то, что указанная статья не уточняет особенностей защиты прав потребителей в зависимости от того, причинен им договорный либо внедоговорный вред. Это приводит к выводу о том, что модельное законодательство об ИИ идет по пути унификации ответственности, выражающийся в том, что право «предусматривает единый режим ответственности независимо от договорного или деликтного основания возникновения вреда» [5, с. 286].

В п. 3.2.3 Рекомендаций указывается на необходимость разработки специальных правил, учитывающих специфику товаров и услуг на базе ИИ: информирование о функционале, наличие «красной кнопки» для экстренной остановки, добровольная сертификация. Это иллюстрирует специализацию потребительского права в отношении к цифровым продуктам.

Также Рекомендации содержат положения направленные на обеспечение права потребителя на информацию. В п. 3.3.3 закрепляется требование о раскрытии информации о факте использования ИИ, целях обработки данных и лицах, ответственных за систему. Указанное правило направлено на устранение информационного дисбаланса и соблюдение принципа добросовестности в цифровой среде. В свою очередь ст. 27 Модельного закона предусматривает обязанность разработчиков четко маркировать контент, созданный ИИ, обеспечивая тем самым право физического лица на получение достоверной информации.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Деликтная ответственность в сфере ИИ развивается в русле существующих тенденций гражданского права. Анализ модельного законодательства СНГ показывает, что регулирование обязательств из причинения вреда искусственным интеллектом не требует создания принципиально новых, неизвестных праву механизмов. Вместо этого происходит адаптация и специализация уже сложившихся гражданско-правовых институтов.

2. Ключевые тенденции, на которые опирается используемая модельным законодательством концепция регулирования, являются устоявшимися в деликтном праве. К ним относятся:

2.1. Расширение сферы безвиновной (объективной) ответственности, основанной на риск-ориентированном подходе. Приравнивание высокорисковых систем ИИ к источникам повышенной опасности является логичным развитием концепции, известной праву различных государств с середины XX века для случаев, когда деятельность не полностью контролируется человеком.

2.2. Канализирование ответственности на конкретных субъектах (собственник, разработчик, оператор). Это позволяет устранить правовую неопределенность для потерпевшего, возлагая ответственность на лиц, указанных в законе, в том числе и солидарно.

2.3. Социализация рисков через обязательное страхование гражданской ответственности. Этот механизм является стандартным способом обеспечения защиты прав потерпевших и распределения возможных имущественных рисков в современном обществе.

2.4. Специализация и усиление защиты прав потребителей в цифровой среде, что проявляется в требованиях к информированию, маркировке контента и наличию специальных средств контроля.

3. Несмотря на специфику отношений, связанных с ИИ, правовое регулирование деликтной ответственности в этой области демонстрирует преемственность и эволюционный характер. Выявленные в модельном законодательстве подходы опровергают позицию о необходимости создания абсолютно новой, «неантропоцентричной» системы ответственности. Напротив, они подтверждают, что существующий гражданско-правовой инструментариум обладает достаточным адаптационным потенциалом для решения возникающих ситуаций при условии его корректной и взвешенной модернизации с учетом специфики технологий ИИ.

Список литературы

1. *Скребец Е.В., Росенко М.И.* К проблеме гражданско-правовой ответственности за ущерб, причиненный работой искусственного интеллекта // *Право и государство: теория и практика.* – 2024. – № 10 (238). – С. 337–340.
2. *Апостолова Н.Н.* Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // *Северо-Кавказский юридический вестник.* – 2021. – № 1. – С. 112–119.
3. *Хмелевской И.Р., Калашиников Н.А.* Вопросы ответственности за действия искусственного интеллекта в сфере здравоохранения // *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право.* – 2024. – Т. 9, № 4. – С. 10–13.
4. *Жаглина М.Е., Жаглин А.В.* Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом: реальность и перспективы // *Вестник Московского университета МВД России.* – 2022. – № 2. – С. 75–78.
5. *Кулагин М.И.* Предпринимательство и право: опыт Запада // *Избранные труды.* – Москва: Статут, 1997. – С. 183–291.
6. *Мороз В.* О некоторых вопросах ответственности за причинение вреда при использовании технологий искусственного интеллекта // *Судовы веснік.* – 2023. – № 4(128). – С. 87–94.
7. *Богустов А.А.* К вопросу о возможности признания искусственного интеллекта субъектом деликтных обязательств // *Правова держава.* – 2020. – № 40. – С. 58–64.
8. *Карпенко О.А., Лошкарёв А.В.* Правовые проблемы ответственности в отношениях, связанных с функционированием искусственного интеллекта в современной цифровой экономике // *Проблемы развития предприятий: теория и практика.* – 2020. – № 1–3. – С. 72–77.
9. *Саватье Р.* Теория обязательств: Юридический и экономический очерк. – Москва: Прогресс, 1972. – 440 с.

References

1. *Skrebets E.V., Rosenko M.I.* K probleme grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti za ushcherb, prichinennyj rabotoj iskusstvennogo intellekta // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika.* – 2024. – № 10 (238). – Pp. 337–340.
2. *Apostolova N.N.* Otvetstvennost' za vred, prichinennyj iskusstvennym intellektom // *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik.* – 2021. – № 1. – Pp. 112–119.
3. *Hmelevskoj I.R., Kalashnikov N.A.* Voprosy otvetstvennosti za dejstviya iskusstvennogo intellekta v sfere zdavoohraneniya // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo.* – 2024. – T. 9, № 4. – Pp. 10–13.
4. *Zhaglina M.E., Zhaglin A.V.* Otvetstvennost' za vred, prichinennyj iskusstvennym intellektom: real'nost' i perspektivy // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii.* – 2022. – № 2. – Pp. 75–78.
5. *Kulagin M.I.* Predprinimatel'stvo i pravo: opyt Zapada // *Izbrannye trudy.* – Moskva: Statut, 1997. – Pp. 183–291.
6. *Moroz V.* O nekotoryh voprosah otvetstvennosti za prichinenie vreda pri ispol'zovanii tekhnologij iskusstvennogo intellekta // *Sudovy vesnik.* – 2023. – № 4(128). – Pp. 87–94.
7. *Bogustov A.A.* K voprosu o vozmozhnosti priznaniya iskusstvennogo intellekta sub'ektom deliktnyh obyazatel'stv // *Pravova derzhava.* – 2020. – № 40. – Pp. 58–64.
8. *Karpenko O.A., Loshkarev A.V.* Pravovye problemy otvetstvennosti v otnosheniyah, svyazannyh s funkcionirovaniem iskusstvennogo intellekta v sovremennoj cifrovoj ekonomike // *Problemy razvitiya predpriyatij: teoriya i praktika.* – 2020. – № 1–3. – Pp. 72–77.

9. *Savat'e R.* Teoriya obyazatel'stv: Yuridicheskij i ekonomicheskij ocherk. – Moskva: Progress, 1972. – 440 p.

Статья поступила в редакцию: 09.10.2025

Received: 09.10.2025

Статья принята к публикации: 20.01.2026

Accepted: 20.01.2026